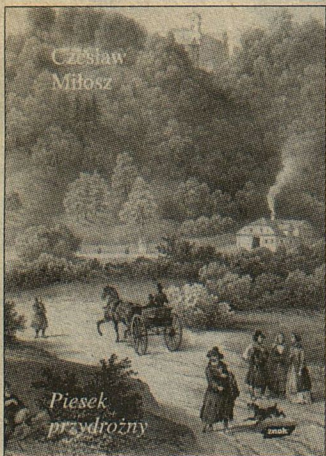

Милош Чеслав

27.06.02

Чеслав Милош. Придорожная собачонка

Книга нобелевского лауреата в «Издательстве Независимая Газета»

Предлагаем вашему вниманию отрывок из прозаической книги польского поэта и нобелевского лауреата Чеслава Милоша. Русский перевод книги вот-вот выходит в «Издательстве Независимая Газета». В Польше эта книга вышла в 1998 году в краковском издательстве «Знак». Она была признана лучшей книгой года, что справедливо, поскольку любая книга Милоша – событие не только в польской, но и в мировой культуре. Перевела книгу Валентина Кулагина-Ярцева, а научными редакторами выступили Борис Дубин и Ксения Старосельская.

Придорожная собачонка

Я отправился познавать свой край в телеге, запряженной двумя лошадьми, с большим запасом фуража и жестяным ведром, грохочущим сзади. Ведро нужно, чтобы поить коней. Передо мной открывались то пригорки и рощи, то деревни посреди густого леса, где дым клубится на крышах, словно в доме пожар – это потому, что избы курные. Или я ехал среди полей и озер. До чего интересно ехать и ехать, отпустив поводья, и ждать, чтобы из-за деревьев внизу показалась деревенька или парк, а в нем – белая усадьба. И тут же нас облаивала собачонка, рьяно исполняющая свой долг. Было начало столетия; теперь оно подходит к концу. Я думал не только о людях, которых там жили, но и о поколениях собачонок, участвующих в повседневной жизненной суете, и однажды, непонятно откуда, – вероятно, в предутреннем сне, – возникло это смешное и ласковое название: «придорожная собачонка».

Ограниченность

Невелики мои знания, разум короток. Я старался, как мог, учиться, читал множество книг – и ничего. Дома у меня книги сыплются с полок, навалены на стульях, на полу, мешают пройти. Разумеется, мне никогда их не прочесть, но глаза жаждо ищут новые названия. Однако, если быть точным, свою ограниченность ощущаешь не постоянно: лишь порою вдруг осознаешь, сколь узко твоё воображение, словно слишком толстые кости черепа помешали разуму охватить то, что ему причитаемо. Мне следовало бы знать все, что происходит сейчас в каждой точке земли, уметь постигать мысли и своих современников, и людей на несколько поколений моложе, а также тех, кто жил и две, и вовсе тысяч лет назад. Следовало бы, ну и что.

Глаза

Оператор: Ты видишь. Я на минуту дал тебе возможность увидеть цветок наступрии глазами бабочки и побыть бабочкой. Позволил взглянуть на дуг глазами саламандры. Затем наделил тебя глазами разных людей, чтобы ты по-разному посмотрел на один и тот же город.

– Должен признаться, я был слишком самоуверен. Невелико сходство между тем, чем улицы того города были для меня и чем они были для людей, ходивших рядом со мной по тем же тротуарам. И если бы хоть я был уверен, что не существует ничего, кроме множества личных, не связанных друг с другом впечатлениями и образами! Но я искал единую для всех нас одинаково видимую каждому человеком истину вещей, и поэтому показанное тобой стало для меня таким тяжким испытанием и искушением.

Безконтрольность

Ему не удавалось контролировать свои мысли. Они блуждали, где хотели, и, следя за ними, он испытывал страх. Мысли эти не были добрыми, и, судя по ним, в нем жила жестокость. Он думал, что мир слишком безрадостен и люди заслуживают только того, чтобы пришел конец их существованию. В то же время он подозревал, что между жестокостью воображения и творческим импульсом есть какая-то связь.

Поиски

Все думаешь, что должен существовать некий текст, в котором каким-то образом отразилась суть того чудовищного, что обнаружилось в этом веке. Читаешь дневники, воспоминания, репортажи, романы, стихи – всегда с надеждой и всегда с одним и тем же результатом: не то. Только робко пробивается мысль: правда об участии человека на земле – не та, что нас учили. Нам страшно даже попытаться ее назвать.

НЕ МОЙ

Всю жизнь разыгрывать, что он и мой, их мир, Сгорая со стыда за это шарлатанство. А что поделяешь? Ударься в крик, Начни пророчествовать – кто тебя услышит? Экраны, микрофоны, – всё у них. А типы вроде нас бредут по тротуарам, Бубнят себе под нос. Снят в парке на скамейках И на асфальте в переходах. Тюрэм Не хватит рассказать всю эту голимьбу. Молчу и усмехаюсь. Меня достанешь, как же, Я с избранными за одним столом.

Суд

Последствия наших поступков. Совершенно непредсказуемые – ведь наши поступки самым разным образом связаны с обстоятельствами и поступками других людей, хотя, наверное, какой-нибудь безупречно работающий компьютер мог бы эти последствия вычислить. С обязательной поправкой на случайность – ибо как рассчитывать, чем закончится движение бильярдного шара, ударившегося о другой шар? Можно, впрочем, утверждать, что ничего не происходит случайно. Так или иначе, оказавшись перед точно просчитанным итогом своей жизни (Страшный суд), есть отчетливый в изумлении: стало быть, я в ответе за все зло, совершенное против моей воли? Стало быть, на другой чаше весов добро, которое я не собирался творить и о котором не подозревал?

Anima

Он все больше писал о женщинах. Что это значило: то ли годами подавляемая anima, хоть и запоздало, стремится к освобождению? То ли его подсознание, до сих пор обретавшее свободу только в стихах, берет на себя роль ласковой докторши, которая, прежде чем коснуться тела, должна снять с него доспехи?

Старухи

Старые безобразные мужчины и женщины, в особенности старухи с палками, еле волочащие ноги. Тела, некогда прекрасные, гибкие, предали их, но в каждой теплится огонек сознания, оттого и удивление: «Неужели это я? Не может быть!»

и Я ЛЮБИЛ

И я любил смотреться в зеркала.

Чеслав Милош. Через три дня ему – 91. Независимая. – 2002 – 27 июня. – с. 22 (то)

Пока не понял по себе, что значит «Путь всякой плоти». Бунтовать – зазря. Кто пожил, знает – и сидит тихонько.

Достаточно ли сознания

Когда-то мне казалось, что достаточно одного сознания, чтобы избежать повторения, то есть той же судьбы, что у других смертных. Это ерунда. Но само отделение сознания от тела, признание его колдовской мощи – довольно знать, чтобы заворожить, – не так уж глупо.

На месте Создателя

Если бы тебе дана была власть создать мир заново, ты бы думал и думал, пока, наконец, не пришел бы к выводу, что лучше того мира, какой есть, выдумать не удастся. Сиди в кафе и смотри на идущих мимо мужчин и женщин. Да, согласен, это могли бы быть бесплотные существа, не подвластные времени, болезням и смерти. Но причина бесконечного богатства, сложности, многообразия всего земного именно в присутствии ему противоречия. Разум не был бы так притягателен, не будь всего того, что напоминает о его неразрывной связи с материей: скотобоен, больниц, кладбищ, порнофильмов. И наоборот: физиологические потребности угнетали бы своей животной тупостью, если бы не играющий, порхающий над ними разум. Глава сознания, ирония, не могла бы предаваться своему любимому занятию – подглядывать за телом. Похоже на то, что Создатель, в этических принципах которого теперь принято сомневаться, руководствовался прежде всего желанием сделать мир как можно интереснее и забавнее.

пытки очиститься и освободиться, говорил он, пусть, по крайней мере, созданное мною искупит мою слабость и поможет прославить красоту человеческой души.

На время и напоказ

Вставать утром и идти на работу, испытывать к людям любовь, расположение или неприязнь – и постоянно поминать, что все это на время и напоказ. Потому что низкой и искренней была в нем надежда, настолько сильная, что сама его подгоняла. Теперь, сейчас, через минуту, вот-вот он поймает – что же? Волшебную формулу, в которой заключена вся правда существования. Он чистил зубы, а она была совсем рядом, он принимал душ и почти уже произносил ее; если бы он не сел в автобус, возможно, она бы ему открылась. И так весь день. Проснувшись среди ночи, он чувствовал, что прорывается к ней сквозь тонкую преграду, но обессилев от напряжения, засыпал.

Внимательность

Согласно книге буддийского монаха, которую я сейчас читаю, самая суть буддизма – mindfulness. Наверное, это слово можно перевести как сосредоточенность или внимательность. Смысл таков: надо со вниманием относиться к существующему сейчас, а не обращаться к тому, что было или будет.

Это избавление для тех, кого мучит совесть, кто вновь и вновь переживает свои былые падения, спасение для людей беспокойных, со страхом воображающих, что случится завтра. Пусть мои стихи помогут читающему их жить в настоящем времени. И пусть я как человек исчезну от недугов памяти.

Взамен

Он изумлялся и завидовал, но не тем, кто, подобно ему, отдавал себя искусству. Рядом с ним ходили по земле поистине святые герои, великие своим милосердием, сочувствием и любовью. У них было то, чего ему больше всего не доставало, и в этом он был похож на своих сотоварищей, людей искусства. Ведь он знал: искусство требует полной отдачи, а это, увы, означает отдать в рабство свое «я». Замечая в себе почти детский эгоизм, он утешался мыслью, что среди людей своей профессии он не исключение, что все они страдают одним пороком – недостатком человечности.

Если уж я родился таким, что напрасны были бы по-

стоящей жизни с ними нет времени, он не мог.

Почему стыдно?

Поэзия – дело стыдное, поскольку начало ее слишком близко к занятиям, которые принято называть интимными.

Поэзию нельзя отделить от осознания собственного тела. Она и связана с ним, и, бесплотная, парит в вышине, делая вид, что принадлежит отдельной сфере, духу, – потому за нее и стыдно.

Я стыдился того, что я поэт, как если бы, раздетый, публично афишировал телесный изъян. Завидовал людям, которые стихов не пишут и которых поэтому считал нормальными – в чем,

лической церкви. А также за то, что прожил долгую жизнь и мог, веруя или не веруя, размышлять о своей двухтысячелетней истории.

Истории в равной мере и адской, и райской. Мы построили города больше Иерусалима, Рима и Александрии. Наши корабли избороздили океаны. Наши теологи насочиняли силлогизмов. И мы тутчас принялись изменять планету, именуемую Землей. Если бы мы хоть не ведали, что творим, когда шли с крестом и мечом, – но нет, мы не были невинны.

Верить. Не верить

Я был глубоко верующим. Был абсолютно не верующим. Контраст так велик, что неизвестно, как с этим жить. У меня появилось подозрение, что в слове «верить» кроется некое содержание, до сих пор не исследованное. Возможно, потому, что это явление скорее присущее жизни человеческого общества, чем психологии индивида. Ни язык религиозных сообществ, ни язык атеистов не помогали в размышлениях над его смыслом.

Мне часто кажется, что объяснение совсем рядом, что оно словно носится в воздухе и как только будет облечено в слова, множество людей воскликнет: «Ну конечно! Это как раз мой случай!»

Потому что они тут, рядом со мной, в храме крестятся, преклоняют колена, а я догадываюсь, что в их умах происходит то же, что и в моем, иначе говоря, они больше хотят верить, чем веруют, либо веруют не всегда. Должно быть, не у всех это происходит одинаково, но как именно? И должно быть, несколько веков назад люди мыслили по-иному, хотя уже в семнадцатом веке Паскаль записал: «Для человека противоречить, верить и во всем сомневаться – то же, что для коня скакать», а в девятнадцатом веке Эмили Дикинсон скажет: «Я верую и не верую по сто раз в час, поэтому вера сохраняет гибкость. (I believe and disbelieve a hundred times an hour, which keeps believing nimble)». Быть с ними, в храме, важнее, чем умствовать на свой лад (28) – разве не так чувствует и думает большинство собравшихся в церковных стенах, давая повод сетовать на обрядовую религию, но в то же время проявляя смирение?

Воспевать богов и героев

Разница между поэзией, в которой «я» повествует о себе, и поэзией, «воспевающей богов и героев», невелика, поскольку обе описывают существовавшие мифологические. Но все же...

Мои ближние

«Мы так похожи друг на друга!» Это восклицание открывает мир, в котором наш вид предстает как нечто совершенно иное, нежели совокупность непроницаемых монах. «Братья и сестры! Я ощущаю эротическую дрожь при мысли обо всех вас и о нашем кровном родстве».

Благодарность

Я благодарен за то, что когда-то, давным-давно, в маленьком деревянном костеле, окруженном дубами, меня приняли в лоно римско-като-

ровками волос, половыми признаками, явными физическими недостатками, слившиеся в обряде возвышенного, духовного обожания – существоует ли что-то более жуткое?

Должен был?

Этот поэт, воспитанный в католической вере, должен был каждым своим словом подтверждать истинность учения Церкви. Но не мог этого делать, даже если бы захотел, поскольку у поэзии своя стратегия. Литература его времени была агностической, порой атеистической, и, сочиняя прославляющие Бога

А типы вроде нас бредут по тротуарам, / Бубнят себе под нос

стихи, он никого не направил бы на путь истинный, а лишь заслужил бы репутацию второразрядного поэта.

Поступки и Милосердие

Конечно, надежда на Спасение так потускнела, так ослабла, что с ней не ассоциируются никакие образы. Поэтому, даже когда говоришь себе: «Если я хочу спасти свою душу, я должен отказаться от того, что мне дорого – от творчества, любовных связей, власти, иных способов удовлетворения честолюбия», – на это очень трудно решиться. В давние времена, когда Спасение означало Рай и ангела с пальмовой ветвью, а осуждение – вечные муки в огненной бездне Ада, у людей, казалось бы, был более сильный стимул стремиться к святости и умерять свои ненасытные аппетиты. Но где уж там! Они убивали, прелюбодействовали, захватывали земли соседа и жаждали славы. Очевидно, здесь что-то не так. Возможно, осознание Рая, обещанного, например, приверженцам ислама, которые падают в битве с неверными, усиливает боевой пыл, но вообще-то земная жизнь и идея Спасения, похоже, явления разного порядка, не связанные друг с другом по принципу прямого противопоставления.

Не исключено, что как раз это имел в виду Мартин Лютер, полагавший, что Спасение зависит не от поступков, а от Милосердия Божия.

Ее ересь

– Я заметила, – сказала она, – что не думаю о Спасении и что два полюса, Рай и Ад, у

меня свои: либо после смерти ничего нет, и это уже хорошо, либо меня ждет кара за то зло, что есть во мне.

Особый момент

Особый момент в многовековой истории религии! По воле Провидения проповеди и теологические трактаты утрачивают свою остроту, и остается только поэзия как инструмент сознания человека, размышляющего о самом главном. Сколько поэтов увидело обоснование своего труда в максиме Симоны Вайль: «Абсолютная, без малейшей примеси, сосредоточенность – это молитва». Таким образом, разнузданная цивилизация, осуждаемая духовными лицами, своим искусством способна приносить дар веры.

Цитата

«Поэтесса Джин Валентайн сказала как-то в интервью: «Конечно, поэзия – это молитва. К кому еще могли бы мы обращаться?» Мне хотелось бы с ней согласиться, однако я не уверена, так ли все просто. В поэзии есть что-то в основе своей не светское. Как в традиционных устных культурах, так и в нашей, люди доверяют поэзии право высказывать истины о жизни и смерти, иным образом недосыгаемые. В сегодняшней Америке поэзия приносит многим людям – в том числе поэтам – утешение, которого они не находят в традиционной религии».

(Поэтесса Кэтрин Норрис: «Manoa. A Pacific Journal of International Writing», 1995.)

Скудость воображения

Воображение людей так же ограничено, как их знания. Что это – эрозия нашего религиозного воображения в результате научно-технической революции? Пожалуй, но давайте задумаемся над тем, как обстояло дело в Средневековье. Еще до того, как Данте изобразил Ад, существовали различные описания адских бездн, нравоучительные, но с необ-

чайно скудным образным рядом. И напрасно было бы искать среди них что-либо равное фантазиям Иеронима Босха.

Теоология, поэзия

То, что глубже всего затрагивает нас: краткость человеческой жизни, болезнь, смерть, ничтожность мнений и взглядов, – не может быть выражено языком теологии, которая уже много столетий дает ответы круглые и гладкие, словно шары, которые легко катятся, но практически непроницаемы. Самое существенное в поэзии двадцатого века – то, что она хочет говорить о главном в человеческом бытии и соответственно этому вырабатывает свой язык, которым теология может пользоваться или не пользоваться.

Аргумент

Самым серьезным аргументом против религии должен быть эгоцентризм. Если кто-то служит исключительно самому себе, то весьма вероятно, что он сотворил себе Бога для того, чтобы Бог ему служил.

Крайний эгоцентризм можно наблюдать у детей и людей с некоторыми разновидностями психических заболеваний. Но что же делать человеку, который обнаруживает его у себя? Отринуть религию, чтобы быть честным по отношению к себе и другим, или пасть на колени, умоляя об исцелении?

Возвышенность

Возвышенность: сознательное непротивление людским издевательствам.